

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Эта книга – первая попытка вновь созданного сектора философских проблем творчества представить профессиональному сообществу предмет своего исследования. Что мы изучаем? Процесс образования нового? В подобном случае понятие творчества было бы всеохватно. В природе «все течет, все изменяется», а в поток сознания, как и в реку, нельзя войти дважды¹. Не означает ли это, что, отождествив творчество с новизной, мы обрекаем себя на исследование как процессов самоорганизации в природе, в результате которых возникают новые структуры, так и любых проявлений человеческого сознания? Поспешу дать на этот вопрос отрицательный ответ.

Мы исключаем из содержания понятия творчества процессы образования новых форм в природе, хотя эта точка и имеет авторитетных приверженцев. Выскажу дискуссионное предположение: синергетика, исследующая процессы самоорганизации и формообразования в природе, хотя и представляет несомненный интерес для философской методологии, но ее собственный философский статус проблематичен. Ибо предметом философского интереса, во всяком случае, начиная с периода Нового времени, являются принципиальные грани взаимодействия субъекта и объекта. Но «вписать субъект» в синергетическую (в отличие, например, от квантово-механической) картину объекта проблематично. Подобную операцию можно осуществить, лишь постулировав наличие Создателя, Творца, одновременно выступающего как Абсолютный наблюдатель. Однако цена вписания синергетики в философский дискурс путем реставрации креационистской картины мира непомерно высока для науки, прошедшей горнило религиозного расколдования мира в эпоху Просвещения и Реформации. В нашем случае это означает, что процессы формообразования в природе как совершающиеся без непосредственного участия человека «выпадают» из философского анализа творчества, что, конечно же, вовсе не означает, что *методы* синергетики не представляют интереса для философской методологии.

А что же человеческая деятельность? Любые ли ее проявления носят творческий характер? Любой ли новый артефакт несет на себе печать творчества?

Существуют различные точки зрения. Одна из них состоит в том, что любые проявления человеческого мышления носят творческий характер. Этой позиции придерживались В.С. Библер и Г.П. Щедровицкий, а ныне ее развивает В.М. Розин. Сильные аргументы в пользу этой точки зрения можно найти и в феноменологической психологии. Вот они: для того, чтобы сохранять собственную идентичность, сознание должно «течь», «длиться», подобно героям фантастического Зазеркалья Л. Кэрролла, которые непрерывно бегут, чтобы остаться на месте. Использование заимствованной у А. Бергсона

¹ Метафора потока сознания принадлежит А. Бергсону, а представление о том, что в поток сознания нельзя войти дважды, заимствовано из феноменологической психологии.

метафоры потока означает, что сознание всегда пребывает в постоянном изменении: поток мыслей, образов, ассоциаций, переживаний непрерывно сменяют друг друга, «тают» друг в друге без четких границ. Течение «внутреннего сознания времени» столь же неумолимо, как и бег часовой стрелки – с той лишь существенной разницей, что внутреннее время человеческого сознания столь же отлично от «внешнего» (астрономического), как человеческое переживание – от движения звезд и планет. Неумное движение потока сознания означает, что мы непрерывно взрослеем.

Но если сознание – нерасчлененный поток (мыслей, образов, переживаний и т.п.), единицы которого даны нам лишь в рефлексивном повороте, то каждому новому переживанию, пусть и имеющему тот же интенциональный объект, присуща своя неповторимая аура мыслей и чувств, свои аффективно-смысловые и эмоциональные «окаймления» (*fringes*). Это означает, что, строго говоря, каждое переживание обладает новизной за счет мобилизации смысловых и аффективных ресурсов нового контекста. Акцент на различии «контекстов» переживания одной и той же (по видимости) мысли в сознании означает, что *«то же самое»*, пережитое заново, – *всегда иное*. Поэтому в поток сознания нельзя войти дважды, а каждая мысль и переживание обладают свойством новизны.

Но есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что в общем массиве социальных действий (как внутренних, так и внешних) можно выделить корпус рутинных действий, которые не требуют от человека мобилизации его творческого потенциала. Теоретическое обоснование этой позиции мы находим опять же в феноменологии – социальной. Ее отец-основатель, ученик Э. Гуссерля А. Шюц, творчески развил метод феноменологии применительно к анализу социальной деятельности, раздвинув горизонты «понимающей» концепции социального действия М. Вебера. Стремясь как можно шире ввести в социальную науку изгнанный позитивистами *смысл социального действия*, он выстраивает методологию того, как объективным и верифицируемым образом исследовать столь ускользающий, и вместе с тем, неустрашимый элемент социального действия, как его *субъективное значение*. Концептуальным инструментом, позволяющим объективным образом оперировать субъективным, выступают типологические характеристики субъективных значений, или просто «типы». Типы – это смысловые конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе различных пластов опыта. Это объективные и верифицируемые когнитивные паттерны мышления, действия и социальной организации, которые социологический глаз, мобилизуя социальное воображение, сумел «разглядеть» в социальной реальности.

В обыденной жизни, поясняет А. Шюц, мы редко решаем собственно творческие задачи. Гораздо чаще мы полагаемся на привычные («хабитуализированные», от *habit* – привычка) образцы мышления и действия – социальные типы. Социально-одобренные типы – это образцы «подручного знания» (*knowledge at hand*), даруемого культурой и социальностью. Мы находим «под рукой» социально санкционированные способы того, как действовать в повседневной жизни, в парадигмальных рамках «нормальной

науки» (в смысле Т. Куна), в искусстве (художественные идиомы, стили и классические образцы). Типологизированные образцы помогают нам справляться даже с экстраординарными ситуациями и с трансцендентным (религиозные обряды). Использование образцов (когнитивных паттернов) позволяет решать большинство рутинных задач на пониженном уровне внимания, сберегая творческую энергию для подлинных инноваций. Словом, в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с образцами и социальными типами, а вовсе не с подлинно творческими решениями.

Истинная потребность в творчестве возникает лишь тогда, когда привычные, хорошо зарекомендовавшие себя схемы мышления и действия обнаруживают свою неэффективность, «не срабатывают». Социальное творчество в собственном смысле слова возникает «на границе», на изломах привычного, на отказе от самоочевидного, само собой разумеющегося (*taken for granted*), в глубинах эпистемологического разрыва. Искра творчества озаряет новые тропинки в бытии.

На мой взгляд, обе представленные выше точки зрения глубоко эвристичны, но по-разному. То, что смысловые конфигурации сознания пребывают в постоянном изменении, свидетельствуют и данные современной нейрофизиологии. Но верно и то, что существуют степени градации сложности решаемых задач. Уровень сложности рутинных действий не велик. Поэтому в социальной практике, когда речь идет о ставших привычными действиях, непрерывными изменениями состава сознания можно и пренебречь. Но при этом следует помнить о границах наших идеализаций. Ибо, как свидетельствуют данные современной психиатрии, осуществление даже и рутинных действий в определенных условиях может представлять для человека величайшую сложность (см. статью И.А. Бесковой в наст. издании).

Конечно, данные современных когнитивных наук чрезвычайно важны для изучения творчества. Но что значит быть философом в изучении творчества?

Как учит философская методология, *предмет* научного исследования – определенная сторона, аспект *объекта*, релевантный исследовательскому интересу ученого. Но не будем забывать, что вычленение предмета исследования, т.е. «предметного среза» объекта, который сам по себе обладает бесчисленным множеством сторон и аспектов (вспомним, что даже «электрон – неисчерпаем»), в значительной мере обусловлено исследовательскими методами, находящимися в распоряжении ученого. Они выступают в роли своеобразных «принципов запрета», т.е. очерчивают область, доступную наличным методам познания². Проиллюстрирую сказанное лишь на одном примере. М. Вебер ограничил предметную область своей «понимающей» социологии исключительно целерациональными действиями, составляющими сравнительно небольшой массив социальных действий, исключив из нее ценностно-рациональные, традиционные и аффективные на том, как мне представляется, основании, что апелляция к эмпатическому их постижению (вчувствованию, вживанию) «запрещена» кантианскими презумпциями его

² В. С. Степин сформулировал этот принцип как зависимость (предметных) схем объекта от схем метода.

методологии. В нашем случае зависимость предметных схем объекта от схем метода означает, что предмет философского анализа творчества не сводится к общекультурным представлениям о творчестве как создании нового вообще. Речь идет о таком новом, что доступно схватыванию методами философского анализа и составляет предмет собственно философского интереса. Имея в виду сказанное выше, мы будем понимать под творчеством *процесс созидания новых культурных смыслов*.

С этой точки зрения, отнюдь не любая социальная, научная или художественная деятельность, пусть и ведущая к созиданию новых форм (материальных или духовных), обладает подлинно творческим характером. Если результатом подобной деятельности является лишь перераспределение уже имеющегося материала (материального или духовного), а не создание новых смыслов (напр., за счет системных эффектов), то мы вправе отказать ей в творческом характере. Так, рекомбинация и бриколаж в искусстве постмодерна - игра смысловыми обломками прежних художественных форм - далеко не всегда созидают новые художественные смыслы. Аналогично, пересказ чужих идей, пусть и своими словами, т.е. плагиат в самом широком смысле слова (в науке, литературе и художественной критике и т.п), едва ли может претендовать на статус творческой деятельности. Именно таким пониманием творчества - как процесса *созидания новых культурных смыслов* - и руководствовались авторы настоящей книги.

Ее название - «Опыт и смысл» - не случайно. Мы рассматриваем опыт как конститутивный фактор смыслообразующей деятельности человека. Именно в опыте происходит «осаждение» (седиментация) социальных (повседневных, научных, художественных и т.п.) значений. С этой точки зрения интересен опыт использования обыденного языка. Именно в нем происходит стабилизация седиментированных социальных значений и их последующее обогащение новыми смысловыми коннотациями. Эти вопросы нашли свое отражение в 1 главе нашей книги.

Опыт конститутивен и в отношении персональной идентификации человека. Именно в опыте происходит становление его «биографической ситуации» (А. Шюц) - позиции, с которой человек осмысливает все происходящее. А поскольку процесс созидания собственной биографии длится всю сознательную жизнь, возникает проблема согласования свежего опыта с уже седиментированным в субъективных социальных значениях - духовной биографии человека. А поскольку пребывать в «разорванном» сознании неудобно, человек парадоксальным образом всю жизнь «переписывает» (пусть и неосознанно) свою духовную биографию, дабы согласовать новый опыт с ранее обретенным. Речь идет о придании новых субъективных значений событиям (внутренним или внешним) своей жизни. То, что ранее воспринималось судьбоносным, со временем низводится лишь до малозначимого зигзага на жизненном пути в неумных поисках самого себя. Напротив, почти незаметный штрих духовной биографии со временем обретает смысл «точки бифуркации» жизни-судьбы. Об этом - в 3 главе нашей книги.

Понятие же *смысла*, как и любое философское понятие, обладает открытым горизонтом значений. Оно «концепцио-зависимо, обладает контекстуальной полисемией. Например, психологи полагают, что за понятием смысла скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначное определение, а сложная и многогранная смысловая реальность³. В Новой философской энциклопедии смысл определен как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование и связывающая его с более широким пластом реальности ...и онтологическим порядком вещей»⁴. Мы будем считать, что содержание понятия «смысл» задано всем контекстом дискуссий, в котором оно участвует. Но с одним важным ограничением: авторы не разделяют слишком расширительной трактовки смысла, свойственной натуралистическим и отчасти позитивистским концепциям, как избирательности извлечения информации из среды обитания (природной или социокультурной). Мы ограничиваем объем понятия «смысл» исключительно сферой сознания и культуры.

Книга состоит из 3 глав. **Первая глава «Язык как базис социальных значений и средство трансляции социального опыта»** открывается моей статьей *«Интерактивная природа смысла: эпистемология метафоры»*. Метафора в переводе с греческого дословно - «тележка». Тележка, перевозящая смыслы. В современной философии языка она понимается и более широко: как средство обмена, расширения и углубления смыслов. В статье, анализируя современные концепции метафоры, я стремлюсь показать, что созерцательный подход к смыслу как к чему-то, что надо лишь извлечь из текста в готовом виде, обнаруживает пределы своей адекватности (классическая герменевтика). В парадигме неклассической рациональности *смысл интерактивен*. Он рождается «на стыке» сознаний творца и интерпретатора. Этот общий тезис раскрывается в анализе современных интерактивно-контекстуальных теорий метафоры. Я рассматриваю наиболее значимые концепции метафоры, представленные в современной философии языка, и пытаюсь выявить эпистемологическую суть дискуссий относительно когнитивной природы метафорического смысла.

Статья *А.С. Майданова «О смысле вообще и смысле мифов особенно»* отчетливо демонстрирует концепцио-зависимость понятия смысла, вариативность его значения в различных концепциях философии языка. На примере мифов он прослеживает и процесс художественного конструирования, в частности, конструирования протогипотез как отдаленных провозвестников гипотез в науке.

В статье *Ю.С. Моркиной «Интенциональные объекты как смысловые системы»* автор обращается к восходящей к Ф. Brentano классической феноменологической проблеме интенциональности и исследует модификации структуры смысловых образований сознания под воздействием их конститутивных факторов: рефлексии и направленности луча внимания.

³ См.: *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.

⁴ Смысл // Новая философская энциклопедия в 4х томах. М., 2000. Т. 3. С. 576.

Вторая глава «Концепт опыта в научном и социальном творчестве» открывается статьей *М.М. Новоселова «Еще раз о неразличимости и точности знания»*. В ней нашла дальнейшее развитие авторская концепция интервала абстракции, вскрывающая связь процессов абстрагирования с условиями порождения и распознавания образов опыта. Автор вводит философские термины, характеризующие этот процесс (неразличимость, интервал и т.п.) в тезаурус ключевых понятий теории познания, приписывает им нетрадиционный логико-гносеологический смысл, погружая их в контекст неклассических логик.

В статье *А.А. Ивина «Коллективный опыт и историческое априори»* раскрыто содержание понятия «опыт», включающего в себя традиции, здравый смысл, коллективные верования, интуиции, вкусовые предпочтения и т.д. Показано, что особую роль в структуре опыта играют стили мышления отдельных цивилизаций и исторических эпох. Автор вводит понятие «историческое априори» и сопоставляет его с синтетическим априори Канта.

Завершает главу статья *А.А. и Т.А. Гореловых «Опыт, истина, смысл»*. Большая часть данной статьи посвящена рассмотрению эволюции понятия «опыт» в сопоставлении с понятием «истина» с последующим выходом на проблему смысла жизни.

Глава третья «Экзистенциально-личностное измерение опыта» открывается статьей *И.А. Бесковой «Пограничный опыт как исток эмерджентного смысла»*. В статье проанализирован процесс смыслообразования с точки зрения специфики того опыта, который можно было бы назвать «пограничным», психоделическим. Показано, что смещение фокуса рассмотрения в сторону от обыденного, общепринятого, наиболее часто встречающегося к границам человеческой жизнедеятельности приводит к тому, что наше представление о природе и специфике процесса смыслообразования существенно расширяется, в частности, за счет новых представлений о связи звука и смысла.

В статье *Е.Н. Шульги «Эпистемологические аспекты формирования миропонимания: от смыслообразования к моделированию образа мира»* рассмотрены традиционные проблемы соотношения образа и понятия, знака и смысла как фундаментальных понятий эпистемологии. Показано, что для современной герменевтики обращение к процессу «наделения смыслом» сопряжено с созданием концептуальных образов, которые возникают на глубинном уровне человеческого познания.

Наконец, в статье аспирантки сектора *М.С. Пилюгиной «Взаимосвязь опыта и смысла в процессе интерпретации»* проанализирована взаимосвязь опыта и смысла в процессе истолкования. Показано, что когнитивным базисом интерпретации является определенный запас знаний предмета и понимание его специфики, - именно он выступает когнитивной основой дальнейшего раскрытия смыслов и расширения области понимания. Проанализировано понятие плюрализма интерпретации и его когнитивный смысл.

Таково содержание книги. Насколько авторам удалось приблизиться к реализации их творческого замысла - судить читателю.

Н.М. Смирнова